

родами, существовали многочисленные более мелкие объединения городского и сельского типа. Они состояли из укрепленного места, замка, вокруг которого были раскинута села, основанные колонистами, лично свободными людьми, занимающимися земледелием. Многообразие этих поселений нашло свое отражение в терминологии, которая употреблялась на кортесах (*ciudades, villas, aldeas, lugares*). Эти поселения пользовались относительной автономией, каждое из них имело свое управление и фуэро, который определял их экономический и социальный статус. Еще на собрании в Леоне в 1020 г. было сказано, что жители города и прилегающей к нему округи имеют одно и то же фуэро⁹. Из § 16 Вальядолидских кортесов 1293 г. следует, что город или большое поселение (*villa*) и прилегающая к нему округа (*alfoz*) составляли единое целое — общину, совет (*concejo*). Из постановления кортесов в Саморе в 1301 г. видно, что деревни (*aldeas*) являлись округой крупного поселения (*villa*)¹⁰. Поэтому петиции представителей городов дают очень интересные сведения о жизни не только горожан, но и крестьян, исключительно занятых сельским хозяйством.

Определить общее количество городов и сел, имеющих представительство в кортесах в XIII—XIV вв., невозможно. Лишь в двух случаях указывается число представленных общин и число депутатов от них, избранных всем населением¹¹. Со второй половины XIV в. депутаты стали избираться не всем населением, а только членами городского совета, причем депутатом мог быть лишь член совета. Теоретически все города, местечки и села, которые обладали известной самостоятельностью и имели юрисдикцию над определенной территорией, статус, закрепленный в фуэро, получали право принять участие в заседании кортесов. В преамбулах к актам кортесов иногда прямо указывается, что на заседании присутствуют «депутаты от всех городов, сел и местечек нашего государства»¹².

Практически же далеко не все общины имели своих представителей в кортесах. Во-первых, приглашение на кортесы целиком зависело от короля, который созывал не все общины; в конце XV—XVI в. лишь 17 городов сохранили за собой право принимать участие в кортесах. Во-вторых, посылка депутата в кортесы обходилась дорого и не все города обладали достаточными для этого средствами (только в XV в. короли начинают выплачивать жалованье депутатам кортесов на время сессии). В-третьих, пребывание доверенных лиц от общин в кортесах не всегда было безопасным. Об этом свидетельствует частое повторе-

⁹ Cortes, t. I, p. 8.

¹⁰ «... quilas aldeas que avian las villas mios pregnos por alfoz ...» — Cortes, t. I, p. 158.

¹¹ На кортесах в Бургосе в 1315 г. присутствовало 192 депутата от 101 общины (Cortes, t. I, p. 263—269), в Мадриде в 1391 г. — 125 депутатов от 49 общин (Cortes, t. II, p. 483—485).

¹² На кортесах в Вальядолиде в 1351 г. присутствовали: «... los procuradores de todas las ciudades e villas et lugares del mio sennorio». — Cortes, t. II, p. 1. См. также Cortes, t. I, p. 548, t. II, p. 164, 185, 202. Но не всегда селения были представлены в кортесах. Так, в Бургосских кортесах 1377 г. участвовали только «депутаты от городов». — Cortes, t. II, p. 275.